

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-719-727

УДК 81'25

СПЕЦИФИКА БЕЛОРУССКО-РУССКОГО БИЛИНГВИЗМА В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ПОЭТОВ БЕЛАРУСИ

Е.Ю. Муратова

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова
Республика Беларусь, 210038, Витебск, пр-т Московский, 33

Статья посвящена исследованию специфики белорусско-русского билингвизма в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси. Материал исследования — поэтические тексты русскоязычных поэтов Беларуси. В работе использовались основные общенаучные методы наблюдения, описания, анализа и интерпретации художественного текста. В статье доказывается, что в русскоязычной поэзии Беларуси выявляются различия в реализации русского языка в России и Беларуси за счет использования белорусскими поэтами лексических средств белорусского языка, а главное, наблюдается специфическое расширение и углубление семантики существующих слов русского языка за счет «наполнения» их белорусским духом, культурой и восприятием мира.

Ключевые слова: поэтический текст, лексика, семантический потенциал, национальная ментальность

1. ВВЕДЕНИЕ

На рубеже XX—XXI вв. на постсоветском пространстве сформировалась новая геополитическая и социокультурная реальность, появилось и утвердилось понятие «ближнее зарубежье». И возник совершенно естественный научный вопрос: какие черты обрела или утратила русская языковая личность в новых исторических условиях? Русскоязычное население в Беларуси, Казахстане, Молдове и т.д. и русские в России — это одни и те же или разные, условно говоря, «другие» русские? На этот вопрос пытаются ответить ученые и в России, и в бывших советских республиках (например, блестящая монография Т.П. Млечко «Русская языковая личность ближнего зарубежья», 2013 г.). В частности, определяя цель своего исследования, Т.П. Млечко пишет: «Наши многолетние наблюдения и изыскания были нацелены на то, чтобы выделить и представить типологические черты русской языковой личности ближнего зарубежья в соотношении с преобразованиями языкового пространства ее пребывания» [1. С. 9].

Вопрос о языковой личности не является решенным и для Ю.Н. Караулова, известная работа которого «Русский язык и языковая личность» заложила основы целостной теории языковой личности. На Международной научной конференции в Варшаве в 2012 г. Ю.Н. Караулов утверждал следующее: «Вопрос о том, что такое языковая личность, — даже после более трехсот научных публикаций на эту тему за последнее десятилетие — продолжает оставлять простор для поис-

ков и дискуссий, что, вообще говоря, нормально для научного направления, находящегося в стадии парадигмального становления. Понятие языковая личность предполагает такой способ представления языка, в котором находят отражение не только свойства и законы языкового строя, но и отпечатленные в языке знания о мире, высокие человеческие ценности, равно как и низшие проявления человеческого духа» [2. С. 49].

Миросозерцание этнического сообщества вырабатывается из общего культурного багажа — мифов, легенд, символов, святынь, эталонов, стереотипов. Как писал Н.А. Бердяев, именно через языковую призму индивид вступает в человечество как национальная индивидуальность, а не отвлеченный человек, существующий вне рамок этнической сущности: «Национальный человек — больше, а не меньше, чем просто человек, в нем есть родовые черты человека вообще и еще есть черты индивидуально-национальные» [3. С. 107].

У каждого народа есть свои особые национальные черты. Например, в русском национальном характере разные исследователи отмечают такие черты, как религиозность, соборность, поиски добра, удаль, бунтарство, смирение, ориентация на коллективизм и справедливость, уважение духовных ценностей, беспечность, лень. Как видим, русский характер заметно противоречив и со временем, с изменением социальных условий и реалий жизни значительно изменяется (как и любой другой национальный характер). В национальном характере белорусов отмечаются такие черты, как миролюбие, пассивность и нерешительность, покорность, трудолюбие, мягкость характера, скромность.

Кроме специфики национального характера, каждый народ, как писал В. фон Гумбольдт, по-своему членит действительность, по-своему видит окружающий мир, что находит отражение в его языке.

2. ОБСУЖДЕНИЕ

Поэт, родившийся и выросший в Беларуси, не может не отразить в своих стихах национальную специфику во всех ее проявлениях, в том числе и на уровне языковых средств выражения.

Пишущий на русском языке в Беларуси имеет несколько иной потенциал возможностей: с одной стороны, у него идентичный с русскими поэтами арсенал языковых средств (лексических, морфологических, синтаксических, стилистических), с другой — огромный языковой подсознательный резерв белорусского языка. Поскольку русский и белорусский языки являются близкородственными, многие белорусские слова понимаются русским читателем без перевода: *ведаць, дрымота, ельнік, пяцігоддзе, земляробства, чытанне, харч* и под. И вот этот потенциал «прорывается» в стихах, отражая этническую ментальность поэта.

Это могут быть «вкрапления» в стихи чисто белорусских слов. Приведем некоторые примеры. Анатолий Бесперстных пишет в стихотворении «Счастливая песня», посвященном памяти белорусского композитора Н.М. Петренко:

Сквозь пошлость, рутину и серость
Вдруг слышу твои «*Ручнікі*»,
И — словно бальзамом на сердце...

Его лирический герой отдаст предпочтенье

...не кофе, не чаю,
Не пепси — а чистой воде.
Воды из *криницы*, маняще журчащей...

Слово *криница* рождает образ белорусской природы, ее полей и лесов. В Беларуси тысячи рек и озер, поэтому ее называют «синеокой». *Маняще журчащая криница* отражает любовь поэта к своей родине, потому что криница манит, притягивает своей чистотой, детскими воспоминаниями об отчем доме, о родной стороне.

А помнишь: у *вески* Комоски,
Вдоль старенького большака
тянулись к созвездьям березки,
глядели на мир свысока.

(Б. Бележенко)

Веска — родная деревня, которая рождает ассоциации босоного детства, когда «деревья были большими», когда ярче всего светили звезды — всегда самые яркие в родном краю.

Там, за полувеком где-то,
Мележ пишет новый *твор...*

(М. Боборико)

Лирический герой Н. Наместникова философски рассуждает о жизни, смерти, истине:

Вот уже и вечер на пороге.
Вот и звезды. Вот и *Млечный Шлях*.
Все проходит. Истина в дороге.
Соль на ранах. Слезы на щеках.

Стихотворение Н. Наместникова — это стихотворение поэта, родившегося и выросшего на белорусской земле: Млечный Путь — созвездие, символ космоса человеческой жизни, ее загадочности и неизвестности, назвать его Млечным Шляхом мог только человек с белорусской ментальностью, и в этом необычность стихов: словосочетание Млечный Путь все-таки достаточно узуально-заштампованное, а Млечный Шлях останавливает на себе внимание читателя, что в конечном счете и важно для поэтического текста.

Русскоязычная поэзия существенно отличается от поэзии русской не только (и, может быть, не столько) лексической спецификой, сколько проявлением определенной нацеленности на белорусский ритм и стиль жизни, типичные манеры, местный материал, в силу чего достигается самобытность, исконность национального звучания:

Не спугнуть бы звуки откровенья,
Этих сладких слез не унимать,
Радуницею, в благоговенье
Я пришла любимых поминать

(Т. Краснова-Гусаченко)

Ра́дуніца — день общецерковного поминовения усопших, т.е. это общий праздник и для русских, и для белорусских православных. В Русской православной церкви он установлен для того, чтобы «после светлого праздника Пасхи мы могли разделить с усопшими великую радость воскресения Христова». Церемония, традиция празднования Радуницы различается у русских и белорусов. Белорусы на Радуницу пекли драчену (тертый картофель), варили кашу, красили яйца (часто в желтый или зеленый цвет), пекли пироги, блины, готовили кутью. После обеда шли всей семьей на кладбище. Катали по могиле крашеные яйца, поливали могилы пивом или водкой. На могилу, покрытую рушниками, ставили разную еду. Приглашали к столу умерших родителей: «Святые родители, ходите к нам хлеба-соли поесть». Потом садились, выпивали и закусывали. В России Радуница была днем домашнего и церковного поминовения, когда навещать усопших на кладбище было не принято. На северо-востоке России на Радуницу готовили баню для мертвых, оставляя для них воду с веником и чистое белье.

Купальские венки сплывают вдоль реки,
Плывут неторопливо по теченью.
Пути их далеки, пути их нележки
Вниз по реке до головокруженья.

(Б. Бележенко)

Праздник Ивана Купáлы — это народный праздник всех восточных славян, посвященный наивысшему расцвету природы. Праздник отмечается 7 июля и по времени проведения совпадает с христианским праздником Рождества Иоанна Предтечи, т.е. в этом празднике соединилась языческая и церковная традиции. Купала — это дань почитания могущественных сил природы: огню, земле, воде. В Купалье много мистических, восходящих к язычеству легенд и поверий. Считалось, что в эту ночь (с 6 на 7 июля) в реках купаются души умерших в облике русалок, по земле ходят колдуны и ведьмы, а растения и звери разговаривают. Магическая, волшебная сила придавалась цветку папоротника, который, по поверьям, расцветал на миг только в эту ночь. Он давал сверхъестественную способность видеть будущее и находить скрытые сокровища мира, но заполучить его мог только очень смелый человек. Поиск «папараць-кветкі» — один из самых таинственных ритуалов купальской ночи. Популярность этого праздника и его атрибутов доказывает широкая распространенность лексико-семантической единицы «папараць-кветка» в современном белорусском языке (так называются конфеты, рестораны, отдельные продукты питания).

Некоторые ритуалы актуальны и в настоящее время: сбор целебных трав и цветов, приобретающих, по преданию, в эту ночь особую силу; ритуал очищения огнем (прыгали через купальский костер), гадание (девушки пускали по воде венки). Хотя *Радуница* и *купальская ночь* — русские лексико-семантические единицы, но отношение к этим значимым дням в России и Беларуси разное. В России они в значительной степени утратили свой символизм, в Беларуси — нет.

Слово белорусского поэта звучит и ведет себя по-особенному. И в русской поэзии встречаются такие лексемы, как *зубр*, *аист*, *васильки* и некоторые другие, но восприятие этих реалий в Беларуси несколько иное: символичное, связанное для

белоруса с историей, семейными легендами, национальными традициями. Например, в русской культуре аист также имеет неузуальное значение — он символ мира, аист приносит детей, а значит, добро и счастье в семью, но по глубинности ощущения этого образа он значительно уступает его восприятию в белорусской культуре, в которой аист и василек — символы Беларуси. Аисты почти не боятся людей: они часто селятся в белорусских деревнях и поселках; нередко люди специально создают места (высокие шесты и под.), чтобы аист поселился именно у них. И если это происходит, деревня считается оберегаемой этими птицами, их ждут каждую весну, чтобы они вернулись в это место. Вера в то, что аист приносит добро и мир людям, идет из глубины веков, из поколения в поколение, поэтому и отражение образа аиста в творчестве белорусских поэтов особенно специфично, оно воссоздает реликтовый дух белорусской культуры.

Русскоязычная поэзия Беларуси актуализирует одну известную мысль — нельзя терять родники национальной духовности, одной из составляющих которой являются люди, прославившие Беларусь. Невозможно не назвать Марка Захаровича Шагала, увековечившего Витебск в своих картинах. Сам М. Шагал писал: «Я всегда помню о Витебске и очень люблю его: у меня нет ни одной картины, на которой Вы не увидите фрагменты моей Покровской улицы...» [4. С. 656]. Отношение к Шагалу в Беларуси, особенно в Витебске, безусловно, специфическое. Вот как описывает его картины витебский поэт Д. Симанович:

Стол покидает рыба-фиш,
Наполненная фаршем —
И прямо в небо... «Эй, шалишь!» —
Мы ей вдогонку машем.

Кричим: «Художник, право, черт!
Он не имеет права!..»
Но этот странный натюрморт
давно покрыла слава.

...

Влюбленные взлетают с крыш
Торжественно и гордо.
И я лечу. И ты летишь.
И все сомненья — к черту!

А впереди старик-скрипач.
Вот нам его догнать бы
И пожелать ему удач —
Играть почаще свадьбы.

...

А древний Витебск и Париж
В просторах распростерты.
И я лечу. И ты летишь.
И все сомненья — к черту!

Доминирующей по семантической нагруженности лексемой в данном стихотворении является глагол *летать*, который передает главные образы в творчестве М. Шагала: летящие люди, животные, предметы. В этом стихотворении полет передается сочетаниями *покидает рыба-фиш, прямо в небо, влюбленные взлетают с крыш, Витебск и Париж в просторах распростерты*. Летают все: *рыба-фиш, влюбленные, тарик-скрипач, Витебск и Париж*. И самое главное: тот, кто смотрит картины Шагала, становится сопричастным его гению, его художественным фантазиям, его мировосприятию — зритель и читатель тоже поднимается в высоты его духа: *И я лечу, И ты летишь. И все сомненья — к черту*.

Марк Шагал всю жизнь рисовал летающих людей. На полотне одной из самых известных его картин — «Влюбленные над городом» — он парит над любимым Витебском вместе с Беллой. Он как будто хочет сказать нам: как мало у человека времени на этой Земле. Не идущие-бредущие, а именно летящие люди, животные, как будто живые предметы преодолевают пространство и время на совсем других скоростях и высотах.

Марк Шагал — не только гениальный художник, признанный во всем мире. В неменьшей степени он обладал талантом любви к родному городу, который его чтит, помнит и любит. Именно об этом и именно в модусе любви к своему соотечественнику пишут белорусские поэты:

Что ему поклоненья, дары,
запоздалые наши признанья?
Он открыл такие миры
среди вечного мирозданья!

И ему над землей лететь,
над Покровской и над Двиною,
отвергая картинами смерть,
торжествуя над силою злою...

И в годину бед и обид
и воинственных конфронтаций
пусть Шагал нас объединит,
чтоб могли мы к нему подняться...

Пусть бы каждый здесь увидал
то, что сердцем можно увидеть...
Жил шагал. И живет Шагал.
И ему благодарен Витебск.

(Д. Симанович)

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог сказанному, можно утверждать, что «изучение языка поэтов может сказать гораздо больше о содержании текстов, о картине мира поэтов, мировоззрении эпохи, чем исследования, не выходящие за рамки тематического литературоведения» [5. С. 5].

В русскоязычной поэзии Беларуси выявляются различия в реализации русского языка в России и Беларуси за счет использования белорусскими поэтами лексических средств белорусского языка, а главное, наблюдается специфическое расширение и углубление семантики существующих слов русского языка за счет «наполнения» их белорусским духом, культурой и восприятием мира.

© Муратова Е.Ю., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Млечко Т.П.* Русская языковая личность ближнего зарубежья. Кишинев: Славянский университет Республики Молдова, 2013.
2. *Караулов Ю.Н.* Структура языковой личности и место художественной литературы в языковом сознании // Междун. научная конференция «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». Варшава, 2012. С. 48—54.
3. *Бердяев Н.А.* Национальность и человечество // Судьба России. Кризис искусства. М., 2004.
4. *Шагал М.* Моя жизнь. М., 1994.
5. *Зубова Л.* Языки современной поэзии. М., 2010.
6. Вокзал: сборник стихов. Минск: Логвінаў, 2010.
7. Придвинские зори: сборник стихов. Витебск, 2010.
8. *Симанович Д.* Витебск. Шагал. Любовь: сборник стихов. Витебск, 2002.

Благодарность:

Автор статьи выражает благодарность профессору Российского университета дружбы народов Улданай МаксUTOвне Бахтикереевой за поддержку транслингвальных проектов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 22.05.2017

Принята к публикации: 03.07.2017

Модератор: С. Дмитриук

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Муратова Е.Ю. Специфика белорусско-русского билингвизма в творчестве русскоязычных поэтов Беларуси // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность*. 2017. Т. 14. № 4. С. 719—727. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-719-727

Сведения об авторе:

Муратова Елена Юрьевна — доктор филологических наук, доцент кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета им. П.М. Машерова. E-mail: mouratova@tut.by

SPECIFICITY OF BELARUSSIAN-RUSSIAN BILINGUIISM IN LITERARY TEXTS OF RUSSIAN-SPEAKING POETS OF BELARUS

E.Y. Muratova

Vitebsk State University named after P.M. Masherov
33 pr-t Moskovsky, Vitebsk, 210038, Republic of Belarus

The article is devoted to the study of the specifics of Belarusian-Russian bilingualism in poems of Russian-speaking poets of Belarus. The material of the study is poetic texts of Russian-speaking poets of Belarus. The main scientific methods are observation, description, analysis and interpretation of selected literary texts. In the article it is proved that in the Russian poetry of Belarus differences in the realization of the Russian language in Russia and Belarus are revealed through the use of Belarusian lexical means by the Belarusian poets, and, most importantly, there is a specific expansion and deepening of the semantics of the existing Russian tokens by filling them with the Belarusian spirit, culture and perception of the world.

Key words: poetic text, vocabulary, semantic potential, national mentality

REFERENCES

1. Mlechko T.P. *Russkaja jazykovaja lichnost' blizhnego zarubezh'ja* [Russian Language Personality of Near Abroad]. Kishinev: Slavjanskij universitet Respubliki Moldova, 2013.
2. Karaulov Ju.N. *Struktura jazykovoj lichnosti i mesto hudozhestvennoj literatury v jazykovom soznanii* [The structure of the language personality and the place of fiction in the linguistic consciousness]. Mezhdun. nauchnaja konferencija «Russkij jazyk v jazykovom i kul'turnom prostranstve Evropy i mira: Chelovek. Soznanie. Kommunikacija. Internet». Varshava, 2012. S. 48—54.
3. Berdjaev N.A. *Nacional'nost' i chelovechestvo* [Nationality and humanity]. Sud'ba Rossii. Krizis iskusstva. M., 2004. S. 101—109.
4. Shagal M. *Moja zhizn'* [My Life]. M., 1994.
5. Zubova L. *Jazyki sovremennoj poezii* [Languages of Modern Poetry]. M., 2010.
6. *Vokzal: sbornik stihov* [Station: a collection of poems]. Minsk: Logvinaŭ, 2010.
7. *Pridvinskije zori: sbornik stihov* [Pridvinsky Dawns: a collection of poems]. Vitebsk, 2010.
8. Simanovich D. *Vitebsk. Shagal. Ljubov': sbornik stihov* [Vitebsk. Shagal. Love]. Vitebsk, 2002.

Acknowledgment:

The author of the article expresses her gratitude to professor Uldanai Bakhtikireeva for supporting the translanguing projects.

Article history:

Received: 22.05.2017

Accepted: 03.07.2017

Moderator: S.V. Dmitryuk

Conflict of interests: none

For citation:

Muratova E. Yu. (2017). Specificity of Belarusian-Russian Bilingualism in Literary Texts of Russian-Speaking Poets of Belarus. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (4), 719—727. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-4-719-727

Bio Note:

Muratova Elena Yurievna is a Doctor in Philology, Docent at the Department of General and Russian Linguistics of Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus.
E-mail: mouratova@tut.by